

Румянцева М.Ф.
«ОСТАТКИ» И «ПРЕДАНИЯ»: ЕЩЕ РАЗ О КЛАССИФИКАЦИИ /
СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Нет ничего практичнее хорошей теории
Густав Роберт Кирхгоф (1824–1887),
физик из Кенигсберга

По сию пору приходится сталкиваться, – и нередко, – со смешением понятий *классификация* и *систематизация* исторических источников. Рефлексия по этому поводу очевидно важна как с точки зрения теории источниковедения, так и практики источниковедческого анализа в историческом исследовании (впрочем, отметим, – в скобках, – свое полнейшее согласие с высказыванием кенигсбергского физика XIX века, вынесенным в эпиграф).

Классификация – одна из основных научных процедур, смысл которой в организации эмпирической совокупности; критерием классификации выступает значимая имманентная характеристика упорядочиваемых объектов, в нашем случае – исторических источников.

Систематизация – исследовательская процедура упорядочивания эмпирических объектов (исторических источников) в научной практике в зависимости от цели исследования [3, с. 99].

На мой взгляд, смешение этих понятий обусловлено, с одной стороны, мировоззренчески – ментальной привычкой к классическому типу рациональности, с другой стороны, – в рамках исторической науки, – отсутствием рефлексии над дисциплинарным статусом источниковедения и, соответственно, над природой его объекта – исторического источника. Устойчивое стремление подменить классификацию систематизацией – значимый признак потребительского отношения к источнику, свойственного классическому типу рациональности или так называемому «позитивизму» в исторической науке. Дискурсивные маркеры такого подхода – «источники по истории... (периода, территории) / по определенной теме», «критика исторического источника», «содержащиеся в источнике факты» / «извлечение фактов из источника» и т.п. На мой взгляд, наиболее отчетливым проявлением потребительского / «позитивистского» подхода к историческому источнику выступает деление источников на «остатки» и «предания». Необходимо пояснить: «позитивистского» в кавычках, поскольку то, что называют позитивизмом в исторической науке, имеет весьма отдаленное отношение к позитивизму как таковому; «позитивизм» в исторической науке целиком вписан в ее классическую модель, тогда как позитивизм в философии – знак преодоления рациональности классического типа и начала становления неклассической науки.

Бегло, насколько позволяют рамки доклада, проследим процесс разделения исторических источников на «остатки» и «предания» – в соотношении с оформлением дисциплинарного статуса источниковедения.

Если не принимать во внимание отдельные попытки удревить источниковедение, то, как правило, его оформление соотносят с изысканиями И.Г. Дройзена, не обращая внимания на то, что немецкий историк оперировал по преимуществу понятием «исторический материал», применяя понятие «источник» к его очень узкой группе: «Исторический материал есть отчасти то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем (*остатки*) [здесь и далее выделено автором – М.Р.], отчасти то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание (*источники*), отчасти вещи, в которых объединены обе формы (*памятники*)» [2, с. 468]. Дройзен предлагает весьма сложную схему систематизации «исторического материала». Эту схему фактически воспроизводит Э. Бернгейм [1, с. 34–35]. Окончательно деление на остатки и предания выкристаллизовывается у Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, которые пишут: «Можно различать два рода документов. Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование» [6, с. 87]. Аналогичное деление исторических источников предлагает и Н.И. Кареев, последний позитивист из крупных российских историков: «Не <...> материальные остатки, свидетельствующие о прошедших фактах, недоступных для непосредственного наблюдения, составляют главный материал, над которым оперируют историки <...> Следы прежней жизни, дошедшие до нас в форме преданий и записей, от-

личные от материальных остатков, и составляют главный и основной источник исторического знания...» [5, с. 41–43].

Однако заметим, что все упомянутые труды, с точки зрения источниковедения историографии, – это пропедевтика исторического метода, в структуру которого органично включаются процедуры работы с историческим источником. То есть, в этих работах изначально ставится задача приспособить исторические источники к целям исторического исследования, а не выявить природу исторического источника и рассмотреть источниковедение в качестве отдельной дисциплины/субдисциплины исторической науки. Именно по этой причине обоснованное в этих трудах деление исторических источников на «остатки» и «предания» является систематизацией, а не классификацией.

Можно было бы расценивать рассмотренный подход как исключительно факт историографии, тем более что автор фундаментального исследования по проблеме классификации Л.Н. Пушкарев писал еще в середине 1970-х гг., в эпоху становления постнеклассической модели науки: «Конечный вывод, к которому пришло советское источниковедение, заключается в том, что это деление [на «остатки» и «предания» – *М.Р.*] не может быть положено в основу общей классификации всех исторических источников из-за отсутствия ясного и точного основания деления, удовлетворяющего всем требованиям логики и источниковедения» [8, с. 246–247]. Но тот же Пушкарев, в той же самой работе, формулируя методологически «новый» подход в новой социокультурной и теоретико-познавательной ситуации, предлагает положить в основу видовой классификации «внутреннюю форму источника», т.е. сочетание в нем «воплощения» и «отображения» действительности. Но не является ли это воспроизведением традиционной «классификации» на «остатки» и «предания»? Говоря о классификации письменных источников, Пушкарев утверждает, что «...все они в зависимости от преобладания воплощения или отображения действительности могут быть разделены на два рода – делопроизводственные (документальные) и повествовательные...». И далее: «Оба эти рода письменных источников делятся в свою очередь – в зависимости от особенностей структуры, внутренней формы источника – на виды письменных источников...» [8, с. 256].

Со времени выхода монографии прошло четыре с половиной десятилетия, но столь же фундаментального труда по этой проблематике так и не появилось. Хотя уже в 1980 г. А.Г. Тартаковский продемонстрировал принципиально свежий подход, практически опровергающий деление на «остатки» и «предания». Назвав свою книгу «1812 год и русская мемуаристика», он подчеркивал, что речь в ней не об «отражении» в мемуарах событий Отечественной войны (в этом случае надо было бы использовать в названии не союз «и», а прелог «в»), а о самих мемуарах как «воплощении» мемуаротворческой деятельности автора [9]. То есть мемуары рассматриваются не как «предание», что вполне традиционно для классической/«позитивистской» модели исторической науки, а как «остаток».

Вернемся к соотношению классификации исторических источников и формирования дисциплинарного статуса источниковедения. Кризис «позитивизма» в исторической науке, – а фактически переход от ее классической модели к неклассической, – маркирует возникновение неокантианства, в исторической науке – его Баденской школы (В. Виндельбандт, Г. Риккерт). Но одновременно и параллельно/независимо формируется и русская версия неокантианства (А.И. Введенский, А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Хвостов, И.И. Лапшин), заложившая, – в первую очередь, в эпиистемологической концепции Лаппо-Данилевского, – основы неоклассической модели исторической науки. Водораздел между неклассической моделью Баденских неокантианцев и неоклассической моделью, восходящей к русской версии неокантианства, проходит как раз по невниманию/вниманию к объекту исторического познания – историческому источнику.

Проанализировав феноменологическую природу исторического источника и, по выражению самого автора, «добыв» его определение: «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [7, т. 2, с. 38], – Лаппо-Данилевский неизбежно должен был перейти к упорядочению корпуса исторических источников – или в виде систематизации, или в виде классификации. И несмотря на новаторский, что общепризнано, характер концепции Лаппо-Данилевского, его уход от позитивизма к неокантианству, мы видим, что в этой части концепции русский методолог движется вполне в русле И.Г. Дройзена и пропедевтик рубежа XIX–XX вв. Но это на первый взгляд. Дей-

ствительно, мы не можем не признать, что эта составляющая концепции Лаппо-Данилевского наименее оригинальна: автор, исследовав природу исторического источника, не дает классификацию на основе его имманентных характеристик. Но отметим видовую природу данного историографического источника и присмотримся к дискурсу Лаппо-Данилевского. Мало кто из исследователей обращает внимание на то, что признанный фундаментальным труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» (СПб., 1910–1913) по своей видовой принадлежности является пособием к лекционному курсу; согласно этому автор должен был представить целостную картину науки об исторических источниках, включая те разделы, где он, по преимуществу, ориентировался на теоретические разработки коллег-предшественников. Соответствующий раздел своего пособия Лаппо-Данилевский назвал нейтрально «Главнейшие виды исторических источников» [7, т. 2, с. 41–62], тем самым изначально обойдя вопрос о том, является проводимое разделение источников на группы классификацией или систематизацией. Но в тексте главы автор пользуется понятием «систематизация» и дает его четкое определение, полностью отвечающее нашему современному пониманию: «...можно систематизировать исторические источники с весьма различных точек зрения в зависимости от целей исследования» [7, т. 2, с. 41]. Воспроизводя до некоторой степени, – правда, с иной детализацией, – уже прочно сложившееся деление исторических источников на «остатки» и «предания», Лаппо-Данилевский радикально открепляет это деление от имманентных характеристик исторического источника и привязывает его исключительно к логике исследователя. Что же касается существенной имманентной характеристики самого исторического источника, то, – согласно Лаппо-Данилевскому, современному подходу к понятию «исторический источник» [см.: 3., с. 90–98], да и элементарной логике, выходящей за узкие рамки классической рациональности, – мы вынуждены логично признать, что любой исторический источник – это в первую очередь «остаток» той деятельности, в которой он возник. Лаппо-Данилевский пишет: «...так как всякий источник – реализованный продукт человеческой психики, то <...> такой самостоятельный продукт (поскольку он обладает характерными особенностями, отличающими его от произведения природы) вместе с тем оказывается результатом целенаправленной деятельности человека или намеренным его продуктом...» [7, т. 2, с. 79].

На этой основе Научно-педагогической школой источниковедения был сделан следующий шаг в оформлении дисциплинарного статуса источниковедения: в 1950–1970-х гг. шла разработка отдельных видов исторических источников и видовой методики их анализа [см.: 4]. Углубление понимания природы видов исторических источников привело к созданию стройной системы классификации; далее последовала рефлексия целостного автономного объекта источниковедения – систем видов исторических источников, презентующих социо-культурные общности разного типа и масштаба, что и свидетельствовало о конституировании источниковедения как самостоятельной научной дисциплины.

1. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм ; пер. с нем. В. А. Вейнштока ; под ред. В. В. Битнера. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 72 с.
2. Дройзен, И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / Иоганн Густав Дройзен. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 583 с.
3. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., испр. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 685, [3] с.
4. Источниковедение.ru [Электронный ресурс] : страница Науч.-пед. школы источниковедения / А. А. Бондаренко и др. ; Науч.-пед. школа источниковедения. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010-2019. - Режим доступа : <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
5. Кареев, Н. И. Историка. Теория исторического знания : из лекций по общей теории истории / Н. И. Кареев. – 2-е изд. – Пг. : тип. М. М. Стасючевича, 1916. – VI, 281 с.
6. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос ; пер. с фр. А. Серебряковой ; ред. и вступит. ст. Ю. И. Семенова. – Изд. 2-е. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. – 305 с.
7. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1-2.
8. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1974. – 281 с.
9. Тартаковский, А. Г. 1812 и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 312 с.